

ГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ КРЫМА

Топонимия Крыма интересует нас здесь не как источник политической и этнической истории этой страны, но как источник ее лингвистической истории. Эту историю мы рассматриваем ретроспективно, т. е. обращая прежде всего внимание на современную нам карту Крыма, затем на карту, какой она была до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., и, наконец, на карты-путеводители, историко-географические сочинения прошлого века и по возможности все письменные источники после 1783 г. и только уже после этого — на все прочие источники времени до присоединения Таврического полуострова к Российской империи.

Такой подход обусловлен здесь характером и количеством доступного нам материала, а также нашей основной установкой: исследовать не древнегреческие, а византийские и новогреческие элементы в современной нам топонимике Крыма. Эти элементы в виде названий населенных пунктов (ойконимов), рек и ручьев (потамонимов), гор и скал (оронимов), отдельных местностей и урочищ, а иногда и в виде названий частей населенных пунктов (микротопонимов) и даже отдельных зданий и сооружений могут быть подвергнуты этимологическому анализу с целью выявления лежащих в их основе нарицательных слов или словосочетаний и определения их спациональной (диалекты или разновидности греческого языка) и темпоральной (периоды истории греческого языка) принадлежности.

Рассматривая грекоязычные топонимы Крыма, естественно задать вопрос, какие из них могут принадлежать греческому населению, отчасти сохранившему родной язык, отчасти уже усвоившему крымско-татарский, но оставшемуся верным религии предков, которое в 1778 г. по приглашению русского правительства выселилось из Крыма и потомки которого живут в настоящее время в городах и селах Донбасса (УССР).

От названий, которые мы можем для территории Крыма почерпнуть из античных источников — сочинений древнегреческих и римских авторов, на современной нам карте осталось очень немного. Возьмем, например, названия из «Географии» Страбона (63 г. до н. э. — 19 г. н. э.)¹. От названия 'H Ταυρικὴ Χερρόνησος

¹ Σ τ ρ ά β ω ν ο ς Γ ε ω γ ρ α φ ι κ ῶ ν β ι β λ ι ο ν Ζ', κεφάλαιον Δ: Περὶ τῆς Ταυρικῆς Χερρόνησου.

в настоящее время сохранились только архаические, и тем самым поэтические, *Таврида*, *Таврический* полуостров. От названия города дор. *Χερσόνασος*, атт. *Χερρόνησος*, койне *Χερσόνησος*, визант. *Χερσών* сохранилось, кроме названия заповедника *Херсонес* (*Херсонесский музей*), *Херсонесский мыс* (не говоря о *Херсоне* и *Корсуни* за пределами Крыма). Название *Σαπρὰ Λίμνη* (= *Сиваши*) в какой-то мере выжило в *Гнилом море*.

Большой и мелководный *ὁ κόλπος ὁ Καρκινίτης* сохранился в *Каркинитском заливе* (на старых картах также *Киркеитский залив* и т. п.). Название основанного Диофантом — полководцем понтийского царя Мифродата или Митридата VI Эвпатора (132—63 гг. до н. э.) города *Ἐυπατόριον* возродилось в названии *Евпатории*. Подобным же образом в современной *Феодосии* (средневековой *Καφε*, *Κεφε*) воскресла древняя *Θεοδοσία*. О том же Митридате в современной Керчи напоминает гора *Μιτρίδατ* (у Страбона: *Τὸ δὲ Παντικαίαιον λόφος ἐστὶ πάντῃ περιεικομένως*). Если прибавить к этому *ἡ Τάφρος*, нашедшее отклик в названии *Перекопа* (татар. и тур. *Ор*), то этим все древние названия, упомянутые у Страбона и в той или иной форме сохранившиеся, на современной нам карте будут исчерпаны.

Едва ли у филологов и языковедов, интересующихся топонимическими исследованиями, могут возникнуть сомнения относительно греческого происхождения названий с конечным компонентом (суппозитом) русск. *-поль*, греч. *-πόλις*. Из них наиболее оригинальное на территории Крыма — это, пожалуй, *Καστροπολι* (КОЕЛП, 556; Бесчинский, 283; Москвич, 161, 264), возможно, возникшее на основе еще более своеобразного *Καστροπουλο* (Кеппен, ук. в связи с *Палеокастрон* или *Палекастр*). Наричательное *κάστρο(ν)* < *castrum*: «так называются во многих частях Греции крепости римских и средневековых времен, вообще всякое ограждение города с целью защиты»².

Это слово широко представлено в топонимии современной Греции. Уменьшительным от него является также широко представленное там *καστέλλι(ον)* < *castellum*, сохранившееся в Крыму в названии горы *Καστελι* возле Алушты (КОЕЛП, 571; Бесчинский, 316, 364; Москвич, 195, 196, 197; Кеппен, ук. с вариантом *Κοστελι*). Однако нигде в Греции, насколько нам известно, нет такого оригинального уменьшительного от *кастро*, как *кастропуло* (по образцу *κόττα* 'курица' — *κοττόπουλο* 'цыпленок').

Греческие названия городов Севастополя и Симферополя вошли в употребление только после 1783 г. Крымский *Севастополь* имел предшественников в названиях, по крайней мере, трех городов — *Σεβαστόπολις*: 1) в каппадокийском Понте (Малая Азия), 2) в галатском Понте (там же) и 3) в Колхиде *Севастополем* была названа

² «Πρωϊας» Σύγχρονος παγκόσμιος ἐγκυκλοπαίδεια (Ἐπίτομον ἐγκυκλοπαιδικόν λεξικόν), ἐκδ. β', τ. α' (1955), стр. 1355.

прежняя Диоскуриада (на месте современного Сухуми). Название *Симферополь*, хотя и построенное на греческих основах (*συμφέρων* 'приносящий пользу, полезный' и *πόλις* 'город') не имело предшественников в греческом мире и дано было также в 1783 г. находившемуся на месте современного города татарскому селению *Ак-Мечеть* (*Ak-Mesçit*), ср. древнегреческие антропонимы *Συμφέρων* и *Συμφέρουσα* (РВ). Эфемерным оказалось переименование Старого Крыма (*Eski—Kırım, Солхат*) в *Левкополь* (*Λευκόπολις* 'Белгород').

Оставляя в стороне составные названия с конечным элементом *-поль* (включая и древний *Неаполь* возле Симферополя), мы рассмотрим здесь прежде всего два класса крымских топонимов со вторичными сложными суффиксами: *-ит*, *-ита*, *-иты* (и нулевым суффиксом вместо прежнего *-ит*) и *-еиз* < *-ис*.

1. Среди крымских топонимов еще древнегреческого, и во всяком случае византийского слоя можно заметить вторичный суффикс *-ίτης, -ίται -ίτᾶ* — русск. *-ит, -(и)та* или нуль. Например, *Καρκινίτης* (*πόλις, Κ. κόλπος*).

Здесь естественно предположить в соответствии с правилами древнегреческого словообразования и семантикой основы, что населенный пункт получил свое название от какого-то водного пространства, т. е. *Καρκινίτης* (*πόλις*) от *Καρκινίτης* (*κόλπος*), ср. *Καρκινίτης ποταμός* в Европейской Сарматии у Клавдия Птолемея (3, 5, 8, 9), вариант *Κερκινίτης* в Анонимном перипле Понта Эвксинского (57). У Геродота упоминается именно город *Καρκινιτιδα* (IV, 55, 99). У Г. Плиния Секунда Старшего (*Nat. hist.* IV, 84 et passim) называются и *Sinus Carcinites* и *oppidum Carcine* (очевидно, обратное образование от *Καρκινιτις*).

Современная *Ялта* сохраняет в своем названии средневековую *Ялиту*, новогреческую *Γιαλίτα* из др.-греч. *Αἰγιαλίται* или *Αἰγιαλίτης*, соответственно (ἢ) τῶν *Αἰγιαλιτῶν* (*πόλις, κόμη; φρούριον*). На старых итальянских картах *Calitera* (1367), *Callitra* (1480), *Calittu* (1487), *Callistra* (1497), *Calitta* (1514), *Catolica* (sic! 1570)³. Преобразование *Ялиты* в *Ялту* могло произойти при утрате первоначального ударения, что стало возможным при переходе этого названия из одной языковой среды в другую: скорее всего — из греческой в татарскую. Однако последующая редукция [i] едва ли могла произойти в татарской среде даже после перемещения ударения (необязательного в заимствованных словах и тем более в иноязычных названиях). «Ялта ко времени присоединения Крыма к России (1783), очевидно, пришла в почти полное запустение. После заключения Кучук-Кайнарджийского мира Ялту в 1778 г. покинуло христианское население. Греки—переселенцы из крымской Ялиты основали одноименное селение на северном

³ Цит. по: П. И. К е п п е н. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. СПб., 1837.

берегу Азовского моря (нынешняя Ялта на ЮЗ от г. Жданова, б. Мариуполя — А. Б.). После 1783 г. в Ялту из Керчи и Еникале были переселены так наз. архипелажские греки, а затем греки из б. Мариупольского уезда, занявшиеся здесь ловлей устриц» (КОЕЛП, 482). Вот в этой-то в диалектном отношении смешанной среде и могло осуществиться то фонетическое преобразование названия *Ялита*, которое привело к современной *Ялте*. Редукция переставшего быть ударенным [i] — явление, характерное для так называемой северной группы новогреческих диалектов и наблюдаемое также в румейских (крымскогреческих) говорах Донбасса. Отметим, что название *Ялита* сохраняется в румейском языке греков Приазовья, и в частности в языке жителей приазовской Ялты (ныне Первомайского р-на Донецкой обл.), именно с ударением на предпоследнем слоге⁴. Таким образом, современное название *Ялта* должно было закрепиться не в грекоязычной среде и после утраты заметного ударения на предпоследнем слоге, но в таком случае в нем не могла осуществиться характерная для определенной группы новогреческих диалектов нулевая редукция неударенного [i]. Следовательно, в нашей истории названия *Ялта* не хватает какого-то связующего звена между греческой средневековой и современной формой *Ялита* и закрепившейся в русском, а из него и в других языках формой *Ялта*. Древнейшее свидетельство существования этого названия, насколько нам известно, находится в так называемой «Книге Роджера» (1153) знаменитого арабского географа Абу Абдаллаха Мухаммеда эль-Эдриси (1100—1166) в форме *Джалита*.

Едва ли может существовать сомнение относительно того, что существовавшее до недавнего времени название *Партенит* или *Партениты* (КОЕЛП, 273, 570; Бесчинский, 310; Москвич, 195, 280; Кеппен, ук.) сохранило основу древнегреческого *Παρθένης* ('таврическая Артемида'), которая была заключена в упоминаемых у Страбона (VII, 4) херсонеситском *Παρθέσιον* (*ἄκρα τῆς Παρθένου*, τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν — там же) и *Παρθέσιον* (*χώρη*) у Киммерийского Боспора (там же): *Парфениты* (*Παρθενίται*) — это, очевидно, жители *Парфения* (*Παρθέσιον*), который (по образцу ἡ τῶν Χερρονησιτῶν πόλις и т. п.) мог называться также ἡ τῶν Παρθενιτῶν χώρα и эллиптически οἱ Παρθενίται или ὁ Παρθενίτης, откуда уже и *Партенит*. У того же Эль-Эдриси между городами *Гарура* (после *Джалиты*) и *Лабада* (ср. *Биюк-Ламбат* и *Кучук-Ламбат*) упоминается *Бартабита* (*Бартанита?*) — название, в котором, за исключением [б] вместо [н], средствами арабской фонетики точно передана греческая форма *Партенита*. На близость *Пар-*

⁴ Т. Н. Чернышев а. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области (Исторический очерк и морфология глагола). Киев, 1958.

темыта к Лампаде указывает средневековое (1390) композитное название Лампадопартемыта⁵.

Прокопий Кесарийский упоминает, наряду с *Алустом* (*Алустон* > *Алушта*), построенную или укрепленную Юстинианом крепость у *Гурзувитов* (τὸ ἐν Γουρζουβίταις φρούριον)⁶. Мы не знаем происхождения этого названия, но его словообразовательный суффикс позволяет истолковать его как первоначальный этноним. Можно отметить, что упоминаемые Г. Плинием Секундом Старшим города (oppida) Таврического полуострова имеют характер первоначальных этнонимов: *Orgocini*, *Characeni*, *Assyrani*, *Stactari*, *Acisalitae*, *Caliodi* (Nat. Hist. IV, 85). Все позднейшие варианты этого топонима уже не обнаруживают названного словообразовательного суффикса *-uma*, например: *Kiursuf* (Витсен), *Kosrouf* (Пессонель), *Ursowa*, *Kursuf*, *Kosruf* (Тунман), *Urshuf*, *Jursuf* (Паллас), *Yourzuf* (Кларк), *Гурзуф*, *Урзуф* (Кеппен, ук.).

Попутно отметим, что такой же суффикс обнаруживается и в херсонесском декрете⁷, где в девятой строке читается ΕΠΙ ΝΑΨΙΤΑΝ ΦΡΟΥΡΙ... , что предполагает существование топонима Ναπίτᾶν φρούριον или (менее вероятно) Ναπίτᾶν φρούριον. В основе этого топонима мы скорее всего можем найти др.-греч. *βάπη* и *βάπος* со смысловым значением 'лесистая долина' и т. п.⁸ Если такое толкование можно признать правильным, то *Напитов* следует поставить рядом с *Ялтами*.

Название *Каламита* (Инкерман) дошло до нас как название средневековых крепостей и пещерного монастыря⁹ и сохранилось до настоящего времени в гидрониме *Каламитский залив* для значительной части морского пространства к северу от Севастополя и к югу от Евпатории. Связь его с древнегреческим словом *κάλαμος* 'тростник' представляется вполне очевидной. В античном мире оно неизвестно нам в качестве топонима, если не считать родственным ему *Καλάμισος* (город озолийских локров, ΡΒ). От этой же основы происходят в Греции топонимы *Καλαμάτα* (так со времен франкократии официальное современное название *Καλάμαι* — столица нома Мессинии и одноименной епархии), *Καλαμάκι* (в Афинах), *Καλάμι* (мыс на о-ве Крите), *Κάλαμος* (местечко в Аттике и остров между Левкадой и Акарнанским берегом), за пределами Греции так называлась в древности местность в Финикии. Под именем *Καλαμίτης* в Аттике почитался местный

⁵ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1906, стр. 111.

⁶ Προκοπίου Καισαρέως περί τῶν Δεσπότην Ἰουστινιανοῦ κτισμάτων λόγοι σς'.

⁷ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 7—15.

⁸ Henry and Renée K a h a n e. Four Graeco-Romance Etymologies. — «Romance Philology» XIX, 2, 1965, стр. 261—262.

⁹ А. Л. Я ко б с о н. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 11, 17, 26; 32, 50, 51; 121—123.

герой, героин которого находился в Афинах (ср. мужское имя *Καλαμίτζος*, РВ). Так же, как в случае с *Эгиалитами* (> *Ялита*) и *Гурзувитами* (> *Гурзуф*), *Каламита* могла возникнуть из первоначального *Каламиты* (мн. ч.), хотя нельзя исключить и других возможностей (например, *Καλαμίτης ποταμός*, *Καλαμίτης κόλπος* и, наконец, личное имя — см. выше).

В конце XIV в. среди населенных пунктов Южного берега Крыма упоминается *Сикита*, очевидно, из *Σικίτης* < *σῆκον* 'фига, смква, инжир', плод дерева *συκέα*, *συκῆ*¹⁰. Это название, так же как упомянутый выше *Напит* или *Напиты* и многие другие аналогичной структуры, бесследно исчезло с географической карты.

2. Среди топонимов Южного берега легко выделяется сравнительно небольшой класс названий населенных пунктов со сложным суффиксом в русской передаче *-еиз*, например *Кикенеиз* (КОЕЛП, 459, 556; Бесчинский, 172: деревня *Кекенеиз*, но мыс *Кикенеиз*; Кеппен: *Киркинеис* и *Кикинеис*), упоминается в договоре татар с генуэзцами 1380 года между *Фори* (= *Форос*) и *Лу-пико* (= *Алупка*), а также в «*Atlante Luxogo*» S. Desimoni между этими же населенными пунктами в сильно искаженной форме *Chinicheo*¹¹; *Кореиз* (КОЕЛП, 460, 544, 546; Бесчинский, 172, 175; Кеппен, ук.: *Хуреиз*); *Лемнеиз* (Бесчинский, 284; Москвич, 265: *Лименеиз*. И то и другое из *Лимнеиз*), *Олеиз* (КОЕЛП, 545; Бесчинский, 265; Москвич, 253); *Симеиз* (КОЕЛП, 553; Бесчинский, 276; Москвич, 161, 194, 260). Формально во всех этих названиях можно различить один и тот же сложный суффикс, но в историческом разрезе здесь наблюдается совпадение разных по происхождению суффиксов. В названии *Симеиз* сохраняется еще древнегреческое слово *σημαία* 'знамя', но уже в новогреческой форме множественного числа — *σημαῖες*, которая в румейских говорах звучит как [си'мэис] или [си'мэйс]. Конечно, мы не знаем со всей достоверностью, что было причиной такого названия данной местности, и должны удовлетвориться только установлением связи позднейшей его формы с древнейшей. По условиям этой местности нам представляется возможным, что поводом к такому названию послужили торчащие возле берега в море большие камни. Один из прибрежных утесов (Бесчинский, 280) сохранил еще одно их название — *Панея*, соответствующее новогреческому *πανιά* 'паруса'.

К названию *Симеис* по характеру суффикса должно быть близким название *Олеиз* из *Элеис, т. е. *ἐλαῖαι*, н.-греч. *ἐλίεις*, румейск.

¹⁰ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, стр. 110—111.

¹¹ Цит. по: А. И. Маркевич. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов. — Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии, т. II (59). Симферополь, 1928, стр. 1—16.

[э/леис] или [э/лейс] 'маслины' или 'место, где растут маслины' масличная роща'¹².

Относительно неустойчивости начального гласного [э] или [о] можно сослаться на подобное явление в новогреческих говорах (ср., например, 'Εβραῖος и 'Οβριός).

В названиях *Кикенеиз*, *Кореиз* и *Лимнеиз* их сложный суффикс имеет иной характер и для своего объяснения требует привлечения фактов из области словообразования румейских говоров. Отделить суффикс от основ в этих названиях позволяют следующие соображения. Если в ряду вариантов названия *Кикенеиз* считать первоначальным упомянутый П. И. Кеппенем (указ. соч.) *Киркинеис*, то в основе данного топонима лежит еще др.-греч. *καρκίνος* 'рак, краб' (с вариантом *καρκίνος*, т. е. так же, как в основе названий *Каркинитский залив* и *Каркинитида*). В основе топонима *Кореиз* (Маркевич: *Куреиз*, *Хуризы*, *Кюриз*) должен находиться там же приведенный вариант *Хуреиз* [ху'рэис] от румейск. ['хора] в смысле н.-греч. *χωρίο* < *χωρεῖον*. Наконец, *Лимнеиз* (орфографический вариант *Лемнеиз*) обнаруживает свою связь с греч. *λίμνη* 'озеро' (также 'пруд', 'болото', 'залив').

Во всех этих названиях наблюдается форма множественного числа [-эис] или [-эйс] румейского суффикса существительных [-эя], происхождение которого можно проследить до древнегреческого суффикса -εα (аттич. -ῆ), хотя с ним, очевидно, слились еще такие, как -εια и -ια, получившие более широкое распространение в новогреческом языке и его диалектах. Наиболее характерным этот суффикс оказывается в производных от названий растений. Возьмем пример из сартанского говора румейского языка в Приазовье («сартаньотку»). Так, [мила] по-сартански обозначает 'яблоки', [млэя] — 'яблоня', [млэйс] — 'яблоневый сад', [ста'филя] — 'виноград' (ягоды), [ста'флея] — 'виноградная лоза' (куст), [ста'флэйс] — 'виноградник'. Таково же и словообразование не только в греческих, но и в заимствованных основах, например, [кар'топля] 'картофель (овощ)', [карту'плэя] 'картофельный куст', [карту'плэйс] 'картофельное поле' (ср. пча'нэйс 'огород' от слова крымскотатарского происхождения пчан < пичен 'сено'). Учитывая такое словообразование, можно объяснить *Каркинеиз как 'место, где много крабов', *Хурэйс* — как 'заселенное место' или 'селище', *Лимнеиз* — как 'озерное место' (где есть или были озера).

Конечное [э] вместо [с] в рассмотренных здесь названиях не является орфографическим капризом — это результат тюркизации греческих названий. То же самое происходит со всеми грецизмами, например, в турецком языке. Так, из н.-греч. *παπᾶς* 'поп' в турецком получилось *paraз* (ср. в крымской топонимии *Папаз баир* 'овраг', Кеппен, ук.).

¹² После присоединения Крыма много этих рощ было истреблено, и истребление их при проведении дорог продолжалось долгое время.

Кроме двух классов крымских топонимов греческого происхождения легко выделяются два класса препозитов: 1) [ай-] и реже [айя-] и 2) [мэга-] (орф. мега-) с вариантами [мага-], [мога-], [муга-], [мга-], а среди суппозитов — [-хор] с вариантами [-кор], [-кур].

3. Препозит [ай-] из греч. ἄγιος (а также косвенных форм.его) и [айя-] из ἁγία сочетается с собственными личными христианскими именами (антропонимами). Первоначальный топонимический смысл его был: 'храм (ὁ ναός), или церковь (ἡ ἐκκλησία), или монастырь (ἡ μονή, τὸ μοναστήριον) святого (ἁγίου) такого-то'. Этот препозит прослеживается в крымских топонимах от мыса Аия (*Айя-Бурун*, *Ай-Бурун* или *Святой мыс*) на западе Южного берега и примерно до Алушты на востоке, включая всю южную гряду крымских гор. Надо предполагать, что во многих случаях препозит [ай-]+ собственное имя могли и не быть связанными со значительным архитектурным памятником, находившимся в каком-либо населенном пункте или в пустынной местности. Топоним названной структуры мог быть связан с местом почитания святого, на котором находились либо сооружение, называемое в современной Греции «проскинитари» (προσκυνητᾶρι = προσκυνητήριον), либо даже могила, которая считалась могилой святого.

Если взять, например, название *Ай-Василь* (селение «в двух верстах от Дерекоя, между правыми притоками реки Гувы — речками Бала и Панагия». — КОЕЛП; «некогда здесь существовало большое греческое селение, обнимавшее Дерекой и Ай-Василь. В последней деревне сохранились остатки греческой церкви; при раскопках была найдена надпись, указывавшая, что церковь была построена в XV столетии». — Бесчинский), то его можно представить как эллипс первоначального 'храм святого Василия' > 'Святой Василий'. Так дело обстоит с большинством названий с этим препозитом. Что касается названия мыса *Айя*, то весьма возможно, что тут вследствие забвения произошел эллипс личного имени святой. Нечто подобное наблюдается в другой части Крыма, возле Коктебеля (ныне Планерское), к западу от которого господствует над другими вершинами *Святая гора*, получившая название от могилы неизвестного святого (неизвестно даже — христианского или мусульманского).

Мы уже отмечали, что большинство названий с препозитом [ай-] содержит имена мужского рода. Кроме мыса *Айя* можно упомянуть еще только исчезнувшее греческое селение *Айя-Мария* на месте современной Алупки, в котором был одноименный храм, «но никаких следов этого храма не осталось» (Бесчинский, 276).

Мы не будем останавливаться на тех названиях, которые сохранились в форме, не требующей особых объяснений, как, например, *Ай-Василь*, *Ай-Даниль*, *Ай-Димитри*, *Ай-Костанди*, *Ай-Мина*, *Ай-Никола*, *Ай-Годор*. Задержимся только на названиях, нуждающихся в объяснениях. К ним можно отнести: *Ай-Андри*, *Ай-Бро-*

куль, *Ай-Йор* и *Ай-Юри* (ср. *Айор-даг*), *Айлия* или *Ай-Лия*, *Ай-Панда*, *Ай-Петри*, *Ай-Серес*, *Ай-Ян* (*Аян*). Из них *Ай-Андр*, *Ай-Йор*, *Ай-Юри*, *Ай-Лия*, *Ай-Петри*, *Ай-Ян* в отношении собственных имен представляются совершенно ясными. Здесь у нас имена Ἀνδρέας, Γεώργιος (> Γιώργης), Ἠλίας, Πέτρος, Ἰωάννης (> Γιάννης). Под вопросом остается только их форма (в смысле падежа). Надо учесть, что письменная фиксация этих названий осуществилась в большинстве случаев после присоединения Крыма к России, и чаще всего не со слов крымских греков, а крымских татар. И, несмотря на это, в большей части их сохранилась определенная морфологическая черта: косвенный (преимущественно родительный) падеж личного имени. Различие между прямой и косвенной формами личного имени видно в следующем примере: наряду с *Ай-Лия* (*Айлия*), ср. *Айлия-Сырым* (отрог Никитской яйлы. — Бесчинский) и т. п., где *Ай-Илия* — род. пад. от *Ай-Илияс*; старые карты и путеводители сохраняют названия *Каралез* или *Кара-Иляз* (КОЕЛП, 403) из *Кара-Илияс* ('Черный Илья') и *Катарлез* (*Катарлезский монастырь*. — Бесчинский, 403, *Катерелезская пустынь*. — Москвич, 107) из *Карт-Илияс* ('Старик Илья'), где личное имя *Илияс* (> -елез, -лез) — в им. пад. В названиях *Ай-Йор* и *Ай-Юри* (Бесчинский, 354 и 284) выступает также род. пад. от имени *Ай-Йорис*, *Ай-Юрис*, т. е. Ἀγ-Γιώργης < Ἀγίος Γεώργιος. Случай, характерный именно для румейского (крымскогреческого) языка, мы имеем в таких формах, как *Ай-Андр* и *Ай-Петри* (первоначально с ударением на последнем от конца слоге). В этом отношении румейские говоры сближаются с говорами понтийского диалекта (=языка), где слова второго склонения имеют род. пад. ед. ч. [-у] или [-ϔ], [-иу] или [-и]¹³. Следовательно, *Ай-Петри* — это закономерная румейская форма род. пад. от *Ай-Петрос*, соотв. *Ай-Пэтрис*. В отношении *Ай-Андр* (Бесчинский, 354) надо учесть, что, кроме обычной формы [Андрэас], существует еще коллоквиально-диалектная [Ἀνδрос], от которой в румейских говорах род. пад. закономерно будет [Ан'дри]. В названии *Ай-Тодор* < Ἀγίου Θεοδώρου также наличен род. пад. с редукцией конечного [-у]. Им. пад. в румейском мог быть *Ай-Тудорис* или *Ай-Тудорс* (со целевыми υ и δ). То же самое наблюдается в противопоставлении форм *Ай-Василис* или *Ай-Васильс* — им. пад. и *Ай-Васили* или *Ай-Василь* — род. пад. (КОЕЛП, 526; Бесчинский, 218). Таково же происхождение названия *Аян* (КОЕЛП, 33, 368; Бесчинский, 358; Москвич 216: *Ай-Яни*, 264: *Ай-Ян*), т. е. *Ай-Ян* — род. пад. при *Ай-Янс* — им. пад. (так назывался источник и населенный пункт). Очень мало вероятности в пользу того, что в названии *Аян* представлено турецкое или татарское

¹³ Ἀναθίμου Ἀ. Παπαδοπούλου Ἱστορικὴ γραμματικὴ τῆς Ποντικῆς διαλέκτου. Ἀθήναι, 1955, стр. 46.

нарицательное [а'ян] 'явный, ясный' (арабизм). Напротив, вполне возможно, что в названии долины *Айван* (Бесчинский, 381) представлено крымскотатарское нарицательное [ай'ван] 'зверь, скот, лошадь' и т. п., ср. тур. *hayvan* то же (арабизм). С названием *Ай-Гурзуф* (КОЕЛП, 569; Бесчинский, 308, Москвич, 279), если оно не является плодом индивидуального творчества, дело обстоит примерно так, как с названием *Айя-Бурун* или *Ай-Бурун* (ср. выше мыс *Айя*), т. е. оно могло возникнуть в результате эллипса какого-то личного имени, но вообще история его нам неизвестна. В названии населенного пункта *Ай-Серес* или *Ай-Серез* (Кеппен, ук.; Бесчинский, карта № 5), так же как в упомянутых выше *Каралез*, *Кара-Иляз* и *Катарлез*, мы имеем им. пад. от 'Αγίος Σέργιος. Название *Ай-Брокуль* (Кеппен, ук.; Бесчинский, 318) уже нашло свое правильное объяснение. Здесь можно сделать только одно морфологическое уточнение, аналогичное изложенным выше. Имя святого Πρόκλος является производным от др.-греч. Προκλής. Гласный последнего слога [у] является «аналитическим» или «паразитическим» и не имеет ничего общего с аналогичным гласным латинской формы имени *Proculus*. Монастырь назывался *Ай-Проклу* или — в результате редукции неударенного конечного гласного — [*Ай-Прокл*]. Переход [п] > [б] скорее всего объясняется явлением греческого сандхи, например, [тум Броклу], τὸν Πρόκλον. Наконец, *Ай-Панда* — это форма имени *Пандас*, производного от Παντελής < Παντελήμων (Бесчинский, 279: «в местность Ай-Панда, составляющую с Симеизом одно целое»). Еще одно замечание о румейском род. пад. образца *Ай-Петри*. Такую же форму можно найти и в других крымских географических названиях. Так, например, наряду с горой *Ставро* < Σταυρός ('крест'; Бесчинский, карта № 5, 380—381) следует отметить *Ставри-Кая* (КОЕЛП, 499, 501; Бесчинский, 235), а наряду с мысом *Плака* (КОЕЛП, 376, 377; Бесчинский, 312; Кеппен, ук.) — *Плаки-Кая* (Бесчинский, 232). Селение *Ай-Никита* (род. пад.; КОЕЛП, 532) возле Ялты дало название знаменитому ботаническому саду.

Насколько надо быть осторожным с воспринятыми на слух названиями, показывает следующий пример с псевдопрепозитом *Ай-*. Дм. Фурманов в «Жемчужине юга» («Москва,» 1966, № 11) упоминает об «Ай-Доларах», где «некогда на скале, в море, был барский ресторан. . . Теперь на Ай-Доларах нет ничего. . .» и т. д. У Григория Москвича «Путеводитель по Крыму» (СПб., изд. XXVI, 1914, стр. 277—278) говорится о прогулках из Гурзуфа: «Первая на лодке к скалам О д а л а р ы, служащим гнездами для бакланов; здесь устроен ресторанчик В е н е ц и я с невероятно дорогими ценами» и т. д. Конечно, ни «Ай-Доларов», ни «Одаларов» (тат. *одолар* 'комнаты' — не подходящее название для скал в море) никогда не существовало. Упомянутые здесь

скалы назывались *Адалар*, т. е. 'Острова'. Святые *Долары*, конечно, не значатся ни в каких святцах, но название *Адалар(ы)* оказалось в ряду прочих крымских названий с начальным *Ай-*. Сопоставление двух ошибочно воспринятых форм в данном случае дало возможность восстановить первоначальную тюркоязычную форму.

4. Менее распространенным в Крыму топонимическим препозитом оказывается греч. *μεγα-* в вариантах *мега-*, *мага-*, *-мога-*, *муга-*, *мга* (ср. тат. *Биюк*, тур. *Вйүйүк*). Следует отметить, что противоположный ему по смыслу топонимический препозит *μικρο-* совершенно исчез с карты Крыма в отличие от крымскотат. *кучук*, тур. *кйүк*, представленного довольно обильно. Первоначально такие татарские названия, как *Улу-узень* 'Большая река', *Кучук-узень* 'Малая река', *Куру-узень* 'Сухая река', по-видимому, существовали с греческими (соответственно — румейскими) — *Мегапотам*, *Микропотам*, *Ксеропотам*, но в течение прошлого века греческие названия вышли из употребления (Маркевич. Список). «Возле Балаклавы есть „местность“ с крутым склоном к морю» (КОЕЛП, 455), с названиями *Микрояло* и *Мега(ло)яло* (Бесчинский, 159: «по направлению к мысу Айа-Мегалю и Микроюло, приморские укромные уголки с красивой хвойной растительностью»). В отличие от новогреческой формы среднего рода румейская должна была содержать препозит [мэга], а не *μεγάλο*: *Мегаюло* 'Большой берег' в отличие от *Микрояло* 'Малый берег', ср. *ὁ γιάλος* или *τὸ γιάλο*.

В своей первоначальной нередуцированной форме названный препозит выступает в названии мыса *Меганом* (КОЭЛП, 622; Бесчинский, 381; Кеппен, ук. еще *Маганом*; татарское название *Чобан басты*, м. б. 'пастух вытоптал'). Наричательный смысл этого названия [мэганом], т. е. 'Большое плечо' или 'Большая спина'. Румейское *Мега-ном* соответствует н.-греч. *μεγάλος ὄμος* или *ὄμος*, где начальное [н] в результате сандхи, др.-греч. *μέγας ὄμος* (ср. тур. *отиз* 'плечо' и 'спина'). Аналогичное этому по первоначальному смыслу было название *Магарач* (КОЕЛП, 533, 537; Бесчинский, 297; Москвич, 271; Кеппен, ук. *Магараш*) с вариантами *Магараш* и *Мгараш*. Его румейская форма была *Мега-Раиш*, т. е. 'Большая спина', н.-греч. *Μεγάλη ράχη*, др.-греч. *Μ. ράχις* ('Большой хребет', ср. также *ραχία* 'скалистый берег, прибрежная скала, прибой, шум прибоя'). Здесь наблюдается перенос названия: горный массив — селение вблизи него. Первоначально это название закрепилось за греческим селением, возле которого впоследствии был устроен Никитский сад. Такое название местности, как *Маг-абель* или *Муг-абели* (Кеппен, ук.) едва ли может быть истолковано иначе, чем *Μεγ(α) ἀμβελ*, греч. *Μεγ' Ἀμπέλι*, н.-греч. *Μεγάλο Ἀμπέλι* 'Большой виноградник'. Относится ли к этому классу топонимов название яйлы *Могابي* (КОЭЛП, 27; Бесчинский, 185; Москвич, 202), пока еще трудно сказать (ср. *Караби*. — КОЕЛП, 5, 600, 634; Бесчинский, 8). Напротив,

можно говорить о несомненной принадлежности сюда названий вроде *Мегаля* (Маркевич, Список: урочище возле Кизилташа) из *Мега(ли)-эля*, т. е. Μεγάλη ἐλαία 'Большая маслина' и *Мега-лей* (Бесчинский, 284), возможно, такого же происхождения (если эти названия с самого начала были румейскими, то для них не надо предполагать гаплоглоию: для румейского закономерным является согласование *мега эля*).

5. Среди топонимических суппозитов умеренное распространение на Южном берегу получил суппозит [-хор] с его вариантами [-кор], [-кур], восходящий к румейск. [хора], в новогреческих топонимах -χωρι из χωριό < χωρεῖον 'село, деревня', ср. тат. кой [кьой], тур. köy. Нет сомнения, что к этому классу относятся такие общеизвестные названия, как *Мисхор* и *Кансихор*. Ясно, что название *Мисхор* (ЮЕЛП, 459, 545; Бесчинский, 265, 313; Москвич, 251, 253; Кеппен, ук. *Мысхор*; название известно с XIV в., S. Desimoni. Указ. соч.: *Mizacori*) членится *Мис-хор*, но в отношении начальной его части выбор может быть между препозитами *месо-* и *мисо-*. Их фонетическая эволюция в румейском должна быть [мисо-] и [мсо-] и in statu constructo [мису-], [мсу-] с возможной вторичной редукцией неударенного [у] > [ø]. Таким образом, в истолковании этого названия надо сделать выбор между 'Средним селом' и 'Половиной села'. На основании топонимических аналогий, очевидно, следует отдать предпочтение первоначальной модели *Месоχωρι, т. е. 'Среднее' или 'Серединное село'. Ср. *Месохори* в епархии Элассоны нома Лаконии (ΔΔΕ, 27) (учитывая положение на берегу или на склоне Ай-Петри, остается неясным). С *Мисхором* тесно связаны на западе *Алупка* и на северо-востоке *Кореиз* и *Гаспра*. Все эти названия также, несомненно, греческого происхождения со следами позднейшей татаризации. Отметим, что названия *Алупка* и *Гаспра* следует рассматривать как эпитеты при пропущенном топонимическом объекте: *село*, *укрепление*, *крепость*. Оба они дублируются названиями объекта *Алупка-Исар* (Бесчинский, 266: *Алупка* и 274: *Алупка-Исар*; Москвич, 194, 254 и 257; Кеппен, ук. и то, и другое) и *Гаспра-Исар* (иначе *Исаркаля*, Кеппен, ук.). Так как крымскотат. *исар* (тур. *hisar*) в смысле 'укрепление', 'укрепленное (обнесенное стеной) место' предполагает наличие селения (*кой*), жители которого в случае опасности находили убежище в исаре, этим и объясняется параллелизм названий типа *Алупка (хора)* и *Алупка исар* (= *кастро* или *кастелли*).

В названии реки *Алепхор* или *Алыпкор* (Кеппен, ук.; Маркевич, Список) возле Судака и Суук-Су сохранился один из членов названного противопоставления *Алеποχωρι (часто в континентальной Греции) и *Алеπόκαστρο (= *Алупка Исар*). Таким образом, в названии *Алупка* заключена основа н.-греч. ἀλεπούς = др.-греч. ἄλωπης 'лиса, лисица' в одном из румейских его вариантов. Такие же по структуре названия лежат в основе современного

Гаспра: греч. *Ἀσπροχώρι (в континентальной Греции) и *Ἀσπροκαστρο, т. е. 'Белое село' и 'Белый замок', от которых остался только эпитет *Ἀσπρα* > *Гаспра*. Появление здесь «паразитарного» [г] не нашло еще удовлетворительного объяснения. О названии *Κορειζ* (*Хорэс*) уже упоминалось выше (2) в связи со сложным суффиксом [-эис]. У П. И. Кёппена (Указ. соч.) оно зафиксировано в форме *Χυρειζ*. Его можно было бы перевести на русский язык словом 'селище', т. е. 'место, где было расположено село'. *Мисхор* и *Гаспра* вошли в сложные татарские названия *Мисхор-богаз* (Бесчинский, 274) и *Гаспра-богаз* (Бесчинский, 274), как это часто наблюдалось в Крыму. Этимология названия *Κανσιχор* или *Κανсхор* легко устанавливается на основании греческих топонимов, например, *Καφοχώρα* в епархии Хилькидики одноименного нома (ΔΔΕ, 36), ср. *Κάφα* епархии Мантиней, нома Аркадии (там же, 9), *Κάφαλα* епархии Арты, нома Арты (там же, 9) и др., т. е. 'Погорелое, село, сгоревшее и отстроенное на том же месте'. В названиях с такой основой (*καίω*, *ἔκαυσα*, димотическое *ἔκαφα*, сущ. *κάφα* = *καῖσις*, *καύσων*) также происходила редукция тематического гласного [-о-], [-у-], [-θ-].

Суппозит [-χωρ-] > [-кур-] выступает в названии *Палекур* (и *Палекуров холм*, Кёппен, 181: «В даче Марсандской, у моря, есть бугор, именуемый татарами Палекур, там заметны какие-то следы построек, которые почитаются остатками монастыря, т. е. церкви»), сохранившемся в Ялте. П. И. Кёппен (там же) склонен выводить это название из более древнего *Παλεοκαστρον* (ср. *Παλικастер*), однако по фонетическим соображениям такое выведение представляется затруднительным. Ближе всего это название стоит к довольно многочисленным на территории Греции *Παλαιοχώρι(ον)* (ΔΔΕ: еп. Месолонги нома Этолии и Акарнании, еп. Навпактии того же нома — Палеохоракион, еп. Кинурии нома Аркадии, еп. Эвритании одноименного нома, еп. Элеи или Илии одноименного нома, еп. Филиат нома Феспротии и др.). В крымском названии, в отличие от греческих, обращает на себя внимание трансформация [-хор-] > [-кур-], которая, скорее всего, могла осуществиться в неударенном слого. Переход [x] > [к] объясняется перемещением в иноязычную (татарскую) среду, ср. *Χορειс* > *Корейс*. Таким образом, позднее *Палекур* должно было возникнуть на основе более древнего *Παλεхор < *Παλαίχωρ(ον)*.

Следует отметить, что еще в древнегреческой топонимии существовали названия с препозитами *παλαι-* и *παλαιο-*, как, например, *Παλαίπολις* и *Παλαίοπολις* (РВ).

Само собой разумеется, что мы далеко не исчерпали ни классов, ни единичных греческих названий, принадлежащих различным периодам истории Крыма. В истории изучения этих названий до последнего времени наблюдалась тенденция свести их объяснения к ссылкам на древнегреческую лексику. Однако большинство этих названий может получить правильное истолкование

только на основе фактов средне- и новогреческой диалектологии (в частности, фактов румейских говоров, представленных в настоящее время на Украине).

Аргументировать это положение входило в задачу нашей статьи.

С о к р а щ е н и я

- Бесчинский А. Бесчинский. Путеводитель по Крыму. М., 1905.
- ΔΔΕ Διοικητικὴ διαίρεσις τῆς Ἑλλάδος κατὰ νόμους, ἐπαρχίας, δήμους καὶ κοινότητας. Ἀθήναι, 1964.
- Кешпен, ук. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических сочинение Петра Кешпена. Издано по распоряжению г-на Новороссийского и Бессарабского Генерал-Губернатора графа М. С. Воронцова. СПб., печатано при имп. Академии наук, 1837 (Указатель).
- КОЕЛП Крым. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (1914), редакционный комитет: К. Ю. Бумбер, Л. С. Вагин, Н. Н. Клепинин, В. В. Соколов [б. м.].
- Маркевич А. И. Маркевич. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов. — «Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. II (59). Симферополь, 1928, стр. 1—16.
- Москвич Григорий Москвич. Путеводитель по Крыму, изд. XXVI. СПб., 1914.
7. РВ W. P a r e. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte Auflage neu bearbeitet von G. E. Benseler. Braunschweig, 1911.